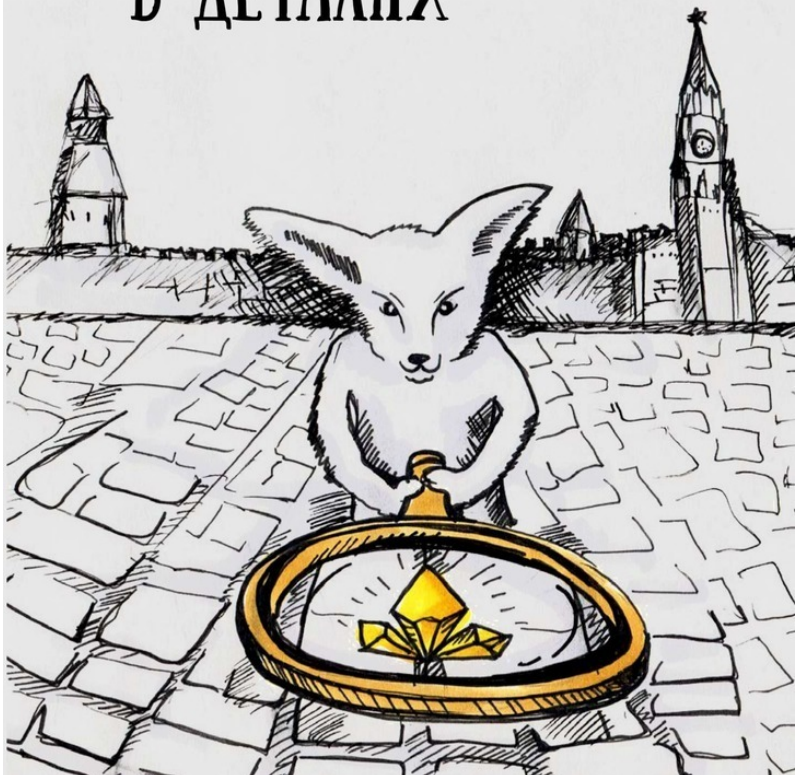

Соболева Кира

Жизнь В ДЕТАЛЯХ

Кира Соболева

Жизнь в деталях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66276678

ISBN 9785005528490

Аннотация

Читали ли вы Сезанна? Или любите картины Вагнера? Вам нравится музыка Ибсена? Если да, эта книга не для вас. Она для тех, кто не предал высокие идеалы, не отказался от традиционных ценностей ради наживы и остался верен классическим образцам искусства и самому себе. В ней содержатся советы для менеджеров в сфере искусств, извлеченные из профессионального опыта автора, обильно приправленные философскими размышлениями, остроумными замечаниями, оригинальными наблюдениями и отменным чувством юмора.

Содержание

Предисловие: обо мне, начальниках, литературе, мире театров и творчестве	5
Введение:	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Жизнь в деталях

Кира Соболева

Корректор Анна Абрамова

Иллюстратор Мария Кутузова

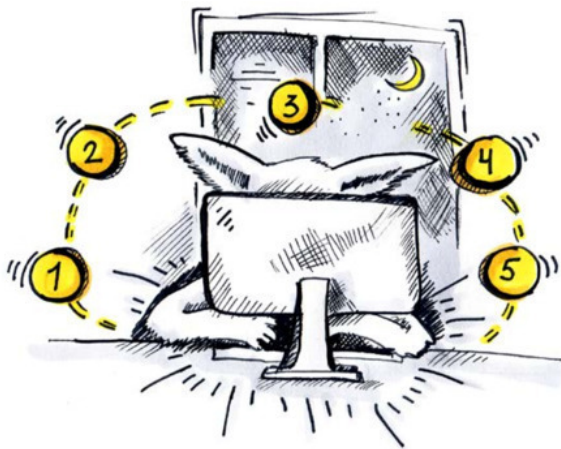
© Кира Соболева, 2021

© Мария Кутузова, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-2849-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие: обо мне, начальниках, литературе, мире театров и творчестве

Каждая история в этом мире имеет свое начало (ну и, конечно, свой конец, но нас пока интересует лишь начало). Моя история начинается с Рахманинова. Говорят, что если человек талантлив в чем-то одном, то он также талантлив во многих иных сферах. Мой жизненный опыт подсказывает мне (стоя за моим левым плечом), что люди, одаренные в музыке, наиболее гармонично развиты во всех сферах челове-

ческих знаний. Когда-то я сидела за инструментом, возила пальцами по белым и черным клавишам и пребывала в полной уверенности, что меня ждут мировая слава и всеобщее признание как великого пианиста. Потом, сломав неудачно в локте руку, я поняла, что жизнь не одобряет моего плана покорения мировой общественности (у нее иные на меня планы). Можно сказать, это было первое мое неумолимое столкновение с роком. В тот момент жизнь, точнее, моя судьба, весело махнув рыжим пламенем волос, повернула в другую сторону и врезалась в гранит публицистики и литературы. Столкновение родило снопы искр, море недоумения, а также недоверия. Ведь я не реинкарнация Блока или Достоевского. Я всего лишь мелкая, ехидная FennecusTamirlang (us) (и очень скромная, как вы уже могли понять по моему прозвищу).

Так как мое детство и юность проходили в плотном соприкосновении с шедеврами Шопена, Брамса, Черни и Баха, я не могла никак отделить музыку от литературы. Было достаточно заглянуть в партитуры опер Вагнера, чтобы заинтересоваться скандинавской мифологией и теорией превосходства заодно. Традиционная музыка Китая пробуждала почти болезненный интерес к живописи и невероятному количеству династий. А джазовые мелодии Америки, маня к себе, не оставляли шансов не познакомиться с творчеством Твена. Можно смело сказать, что мой мир на протяжении долгих лет населяли Мефистофели, Валькирии, Гамлеты и То-

мы Сойеры, Джеймсы Бонды и Перы Гюнты, Калеки с различных островов и Духи Фландрии. Нет, не думайте, что патриотизм в литературе и музыке мне неведом. Моей любовью с юных лет были Рахманинов, Чайковский (может, и банально, но как есть), Свиридов и Таривердиев, а рядом с кроватью валялись томики Достоевского, Чехова и Блока. Последнего я особенно люблю, хотя с возрастом стала все чаще задаваться ехидным вопросом: как же его не расстреляли-то? Ну да ладно, не расстреляли и хорошо, хоть кто-то в нашей державе должен умирать сам, когда ему совсем становится нечем дышать.

Но, так или иначе, мы встретились. Я и Журналистика, хотя скорее Литературное Творчество. Это было очень интересно, очень познавательно. За что я до сих пор благодарна своим педагогам, так это за такое немодное сейчас стремление научить думать. Хорошо помню первый день. Огромный зал и слова: «Можете ходить на лекции, можете не ходить, вы все взрослые люди. Единственное, куда вы обязаны приходить, – это экзамены». Вы просто представьте, какое это для подростков важное сообщение. Они только вчера вырвались из школы, и тут признание: вы взрослые. Нет, не приговор. Именно признание. Вы взрослые, вы решаете. Это много позже приходит понимание, что ты не просто решаешь. Ты берешь на себя ответственность. За каждое слово, что написал в статье, за каждую фотографию, которую отснял и продал в редакцию, за каждый свой шаг в расследо-

вании. За все. Даже за то, что читают в массовых новостных стоках люди по утрам. Вся ответственность на тебе.

Сейчас самое время вам мне возразить. И неважно, кому «вам» – приемной ли комиссии, студентам, просто читателям. Ну при чем тут бизнес, журналистика, театры и литература? Кажется на первый взгляд, что никакой связи между ними нет. Но это не так. Все в этом мире взаимосвязано. На все распространяется эффект бабочки, о котором так проникновенно и остро написал Брэдбери. Вот и тут натянуты тонкие нити связей, и мне очень хочется, чтобы в этот момент вы посмотрели на мир моими глазами и увидели, о чем я говорю. А рассказывать в первую очередь я буду о человеке «маленьком», о том, который не подписывает договоры, не сидит в удобном кресле за маленьким ноутбуком, не ездит на встречи и не бросает партнерам громких обещаний. А еще о том, что для меня литература, журналистика и как это связано с театром. А еще немного о Советском Союзе и Японии. Неожиданно, правда? С чего бы начать. Ах, да, я уже начинала... с Рахманинова.

Так вот. Ромео и Джульетта. Бессмертная музыка к бессмертному шедевру английского гения-загадки. Был ли, не был ли? Это не такой уж и вопрос, главное, что он после себя оставил. Ведь каждый рано или поздно, оглядываясь назад, задумывается над тем, что он оставляет после себя. И тот, кто скажет: «мне неважно, что останется там, позади», обязательно соврет. Любому важно, просто не каждый

способен это признать и уж тем более сделать что-то такое, чтобы и правда осталось. А почему? Да потому: чтобы что-то оставить, надо стать не то чтобы не таким, надо стать каким-то немного «сверх». Хотя, наверное, просто стоит услышать или увидеть этот мир чуть иначе, чем смотрят на него твой сосед и сосед твоего соседа. Подняв голову, увидеть в небе не звезды, а далекие вселенные, а в сыплющемся песке видеть вечность. Ну, помните, как там у Блейка.

Я вот сыплю фамилиями, а знаете, меня ведь понимают на работе, теперь уже бывшей работе, через слово и через три фамилии. Это грустно. Это значит, что в мире пошло где-то что-то не так. В какой-то момент ушли ценности, которые делали жизнь богаче, ярче, объемнее. И слышать «не равняй всех на себя» почти так же обидно, как и осуждающее «ну вы же умная женщина». Нет, незнание классических образцов искусства и литературы не делает людей хуже или ниже... Просто это открыто намекает, что мир неумолимо меняется в ту сторону, где человек ползает «от постели до работы, еле сдерживая рвоту», как поется в одном современном шедевре. Люди так уходят в мир добывания денег, что забывают о существовании музеев, из их жизней уходит культура понимания классической музыки и балета, они хватают с книжного прилавка обложку поярче и содержание попроще, состоящее из любовных сцен и мордобоя. А на страницах журналов и газет их привлекают лишь статьи о взрывах и убийствах, кто чью голову куда понес. И даже в та-

кие моменты они не вспоминают о Саломее. В их жизнях не возникают исторические аналогии и ассоциации. Хотя зачем им? Это у меня была Библиотека им. Ленина, этот погреб с его восхитительными залами. А у них есть Википедия. Вам не становится страшно? Мне вот становится.

Мне становится страшно за свою Родину, когда я, садясь по утрам в вагон метро, вижу женщин, которые рвут друг на друге волосы, потому что им досталось одно место на двоих. Мне страшно, когда я вижу подростков, которые равнодушно проходят мимо стоящего на переходе слепого. А еще страшнее, когда никто из них не может сразу ответить на вопрос «В чем суть „Собачьего сердца?“».

И снова вы недоуменно выгибаете бровь и думаете: «Но при чем тут литература и театры, черт возьми?». Как бы вам объяснить? Когда я была маленькой, я читала такой журнал «Юность». Я вот все говорю «была маленькой», но это ведь так и есть: между мной – девчонкой с огромными бантами и мной сегодняшней, выкрашенной в черный цвет и хмурищей брови женщиной, лежит эпоха. Хотя скорее разлом. Два века, две разные судьбы, два мира, которые невероятно далеки друг от друга. И не только из-за рвущегося вперед технического прогресса. Кто-то постарше может сказать: «Да что ты помнишь, девочка?». А знаете, многое. Я помню невероятные статьи Пескова, я зачитывалась ими. Помню, как бабушка мне давала почитать сохраненные вырезки из военных хроник сороковых годов. И каждый раз это бы-

ло огромное путешествие... Невероятное, захватывающее, как написанная книга. И этот детский восторг предопределил мое отношение к литературе и тем более к журналистике.

Сама я «выходец» из офицерской семьи с непростой историей. Хотя много у нас их в стране, простых? Нет, почти у каждого есть своя и заковыристая. Жил бы «Шекспир» в России, он бы понимал, что его Монтекки и Капулетти – просто ничто. И их страсти немного мелковаты на фоне той фантазмагии, которая творилась частенько на кухнях в коммунальных квартирах. Хотя зачем сравнивать? Есть же великолепный «Бердичев» Горенштейна, написанный еще в 75-м году прошлого тысячелетия, а есть Поляков с его «злостью» дня сегодняшнего. Вот мы и перебрались от литературы к театру. От нашей литературы к нашему театру. А еще есть «Кеды», рассказ о потерявшем себя поколении. А есть еще «Женитьба» – вроде и Гоголь, но такой китч, что смотреть глаза не открываются. Даже виевское «поднимите мне веки» не поможет. Но когда-то давно это все еще либо не было поставлено, либо я о нем знала и догадывалась смутно. Но упрямо верила, что Штраус, Рахманинов, Горький и Чапек – это хорошо, это то, на что стоит равняться.

И вот я студентка, в моем сердце бьется горячая уверенность в том, что я знаю, как надо. Знаю, как правильно. Я ведь столько читала, столько слышала! А за свои походы по музеям, театрам я уже сносила не одну пару туфелек. Я

«бывалый» человек. И вдруг откровение нового века – эпоха вседозволенности. Не знаю, может, с моей головой что-то не так от рождения. Но меня почему-то сразу почти испугала фраза: «Мы четвертая власть. У нас на дворе эпоха гласности». Не претендую на достоверность цитаты, время стерло ее истинное звучание, оставив лишь этот выкидыш памяти. Но к сути. Хотя, для того чтобы до нее добраться, придется снова немного оглянуться в мое прошлое. Или, лучше, поговорить о Борисе Годунове – это, правда, не только мое прошлое, но и мое настоящее. Так вот, Царь. Президент. Да хоть... как ни назови, суть не изменится. Руководитель. Особа, облеченная властью. Ей дарован особый талант – видеть, кто прав, кто виноват, вершить не просто судьбы людей, а судьбу огромной страны. Хотя размер совершенно не имеет никакого значения, ни в одной области человеческой жизни. И это факт. Так вот. Можно ли считать подобный титул и статус привилегией? Вряд ли. В моем идеальном мире тот, кто стоит у руля, в первую очередь гнется под весом невероятной ответственности. Любой, кто имеет власть, должен ощущать этот груз, неподъемный, тянущий вниз, словно камень на шее, чувствовать ответственность за кровь, что приходится проливать чужими руками, ответственность за спокойный сон своих сограждан. И тут вдруг журналист и власть! Страшное сочетание. Нет, если власть попадает в руки малообразованного человека, это всегда страшно. А если человек образован?

Вот я помню из рассказов прадедушек, да и бабушек с дедушками, была у нас такая уголовная статья раньше – «вредительство». А еще был Бехтерев с его невероятно интересной теорией работы головного мозга, а еще у нас есть Черниговская, которую можно слушать и читать вечно, а еще... а еще у нас есть врачи и их клятва Гиппократата. И вроде бы и у нас, власти четвертой, тоже есть и кодекс, и честь... Да вот только когда я открываю газеты, интернет-издания, включаю телевизор, я понимаю, что это есть красиво написанное на бумаге. Нет, я вовсе не говорю о том, что надо быть прогосударственным. Я, честно признаться, вообще придерживаюсь монархических взглядов. Я говорю о стиле, о жанре, о публицистике, которой в наше время не существует. И о журналистской ответственности, которая утонула на дне стакана в 90-х, истекла кровью на тротуаре неподалеку от шумного Арбата. О чувстве вкуса, который нынче не в моде и не в тренде.

Нет, конечно, легко мне говорить, поняв, что моя правда, мой мир и мои взгляды не модны, не котируются издателями и редакциями, я просто свернула с выбранного в молодости пути. Это был осознанный выбор. Можно говорить, историю делают герои. Нет, историю делают люди, которые, вызвав лавину, бегут от нее со всех ног и, если выживают, становятся героями, тут же переписывая свое прошлое. Цинично? Да. Но кто может объективно возразить, что я неправа? У любого человека, который мало-мальски дает себе труд

анализировать события мира за окном, сопоставлять записи из дневников писателей и художников со своими наблюдениями, рыться в хрониках старых газет, внутри все равно родится согласие со мной. Историю делают те, кто выживает. Точнее, пишут, и не всегда талантливо и правдоподобно. Зато под себя. Сейчас я тоже, наверное, выгляжу этаким, даже не знаю, Базаровым, что ли, а может, Онегиным. Да, я не рыцарь светлого образа. Я цинична и расчетлива. Я не захотела продаваться за деньги и писать в угоду, я не захотела плевать в лицо власти, в то время как за спиной у себя протягивала бы руку для того, чтобы взять денежку на развитие своего... Ну, допустим, театра. Во сколько мне это обошлось? Аж в 53 тысячи честного оклада, а до того – в несколько лет, проведенных в отделах художественного оформления маститых московских газет. И не надо плевать, возмущаться. Порой надо быть честным хотя бы с собой. Моя честность, совесть, моя журналистская гордость ушли спать, так же как и политическая сознательность. На долгие десять лет.

И все эти десять лет я отстраненно, со стороны наблюдала за тем, как падает жизнь, как падают ценности, как падают понимание и взаимопонимание. Они растворяются в воздухе, уходят в небытие, так же как ушли хорошая литература и публицистика. Нет, я не говорю, что они исчезли совсем. Но даже та литература и та публицистика, что есть, – это робкие попытки удержать призрак прошлого величия. Робкие, потому что даже в газете, претендующей на уровень газеты

для интеллигенции, пишутся заказные рецензионные материалы. Как бы хорошо они ни были написаны, они остаются заказными. И не надо просить меня приводить примеры, достаточно того, что был в моей жизни период работы в театре, и я знаю, как это делается. Как обзванивают по спискам и приглашают. Это на западе один голос рецензента может лишить актрису будущего звания «ведущая», а режиссера – шансов на востребованность. Но не у нас. У нас же сегодня куда ни плюнь – шедевр на шедевре. Смешно и грустно. Конечно, утверждение считается голословным, если оно не подкреплено фактами, но сейчас мы не в суде, и я уж точно не собираюсь устраивать судилище. Я лишь пытаюсь объяснить, откуда родилась идея того, что будет дальше.

Но все же вернемся в мое студенчество. Проистекало оно весьма бурно – я училась, работала, строила семью. Ну, как все. Правда, однажды утром меня забросило во Владивосток. Знаете, так бывает. Просыпаешься утром и вдруг отчетливо понимаешь, надо сейчас собрать вещи и улететь. Как можно дальше. От кого? От себя. Почему? Да потому что твоя совесть требует одного – писать, бороться за никому не нужную правду, а твой разум говорит тебе: «Дурак, очнись, в дурдом, конечно, не попадешь, но кто ж это в печать пропустит-то?». И правда, никто не пропустит, никому не интересно. Вот устроить скандал псевдопатриотичный, а потом попасться с конвертиком с конкретными подписями... Узнаваемо. Правда или нет? Даже если нет – непрофес-

сионизм поражает. В любом из вариантов развития этой истории. Был у меня «дедушка» в Санкт-Петербурге, который по рассказам бабушки делал так. Вот читает он газету и нахваливает какого-то финансиста. Мол, хорош шельма, шустр! А на следующий день читает, что этого финансиста посадили в тюрьму, и начинает его чихвостить. Ну и домашние ему говорят: ты ж, мол, вчера сам его нахваливал! На что он им отвечал: так я его за что ругаю? За то, что он попался, значит, дурак был. Дедушка, к слову, был адвокатом. И все это я к чему? К тому же – что надо быть профессионалом.

И опять-таки быть профессионалом – значит нести ответственность. Вот если так подумать, откинув в стороны патриотические лозунги, громкие звания, ведь журналисты, литераторы – это те, кто задают тон. Их читают по утрам в метро, проглядывают быстро во время обеденного перерыва, обсуждают в курилках. И этот тон задается каждый день. И это правда власть. Над умами, над душами, над сердцами. Власть, которой надо пользоваться умело и осторожно, чтобы не навредить. Ни себе, ни людям – своей стране. Ведь помните, как там было в фильме «Государственная граница»: «Мы служим не царю, а отечеству». Глупые принципы, глупые взгляды на мир, которые позволяют ощущать себя... не то чтобы доисторическим существом, а этаким князем Мышкиным (тут я, конечно, лыщу себе, и очень сильно, но что поделать – не польстишь себе сам и ходишь как оплеванный). Пусть даже глупые, принципы у меня есть.

Но принципы ни в одной стране мира, кроме, пожалуй, Японии, вас не прокормят. Традиции нынче не в цене, как и верность, и долг. Вот... мы подходим к тому, что, проучившись и проработав энное количество времени, я вдруг оказываюсь той самой «сильной женщиной» из картинок-шаржей, которые сейчас так популярны в социальных сетях. То есть с парой очаровательных детей-балбесов на руках, двумя котами, кучей родственников, без мужа, без квартиры и без диплома. Вот та вселенная и реальность, куда завели меня мои принципы.

Мир удивителен, не так ли?

В этом месте я бы поставила проигрывать Моцарта, рондо «А ля Турка», и прочла бы что-то из своего, чтобы такое... да вот, например:

Злость душит, рвет душу,
Выворачивая ее наизнанку.
Хочется просто сидеть и слушать
Переливы бродячей шарманки.

Взял бы нож, да и так руки в крови,
Вымарал, выпачкал – не отмоешь.
Я, быть может, когда-то романтиком был,
Только счастье – и то тут схоронишь.

Так начисто, словно и не было вовсе,
Стер себя из книг и чужих мыслей.

Я б и живого стер, да нет вариантов,
Жить надо, кормить чужие таланты.

Много их, падких, хватких да прятких,
Этаких, со своими запросами.
Господи, почему же за счет-то не своей?
А за мои серебро с папиросами?!

Не ропщу, просто удивлен без меры я,
Страхивать все ярмо пытаюсь, ан нет.
Держат крепко в домотканой узде меня,
Заставляя пошлости делать, выдавая патент.
Боже, пойми, не убийца, но хочется,
Хочется вырвать язык и глаза.

В мир бы пойти побираться, да где ж его.
Нынче блаженных стирают века.
Сколько ни спрашивай – нет покаяния,
Злость крутит душу, сжигая дотла...

Окончание этого стиха мне до сих пор не нравится, бывает такое, что понимаешь: плохая концовка. А лучше уже никак не выходит. Ну не идет рифма, и хоть сдохни. Дохнуть не хочется, а рифма не идет. Так и остаются грустные три точки в конце. Вот так и моя жизнь поставила грустные три точки и чуть поодаль огромный знак вопроса. Сильная женщина, несильная, принципы, не принципы, а детей кормить надо. Хотя, если здраво порассуждать, не очень-то с этим

справляюсь, но к теме отношения это особо не имеет, так что пусть его. Но все факторы вместе взятые отправили меня на поиски пропитания. И вот, пройдя множество совершенно «потрясающих» собеседований, я оказалась в одной очаровательной фирме. Нет, в моих словах нет никакого сарказма. Я и сейчас, несмотря на то что уволилась оттуда, считаю, что это было лучшее, что могло случиться со мной за десятилетний период истории моей личной жизни. Почему уволилась? Потому что иногда надо делать шаг вперед. Закрывать глаза и падать со скалы. Не туда, где подстелена соломка, а просто в пропасть. Когда-то один японец мне сказал: «Наверх есть два пути (цитируя кого-то из великих): один – взобраться на скалу, а второй – упасть с утеса. Так или иначе ты достигнешь вершины». Долгое время не могла понять, что он имел в виду, точнее, на самом деле все настолько просто и очевидно. Ведь совсем неважно, падаешь ты или карабкаешься вверх, это просто выражение твоих личностных качеств – бесстрашия и упорства. В любом случае рано или поздно ты пройдешь точку «невозврата» и достигнешь своего предела, за которым будешь уже не ты. Однажды я улетела, теперь я уволилась. Два поступка – два прыжка с утеса. После них буду уже не я. Будет кто-то другой. Наверное, даже вступление сейчас уже пишет кто-то другой. Я бы та, что сидела в своем «японском» уголке, не смогла бы все это написать. Не решилась бы. Я очень долго учила себя молчать и наклонять голову. Хотя не всегда получалось.

Так вот, собеседования. Нет в нашей стране ничего более унижительного, чем собеседование. Почему? Потому что приходишь ты со своим Рахманиновым, своим Сезанном (про которого тебе отвечают «не читал, не знаю, кто это»), со своим «давайте сделаем этот мир лучше». А на тебя смотрят как на идиота и говорят: «Вы нам не подходите, ваша квалификация недостаточно хороша». И говорит это тот самый человек, который только что сказал, что «не читал» Сезанна. И вдруг мне встречается «охотник за головами», который при моих ответах на вопросы начинает светиться. Тут бы мне задуматься, ей-богу. Но нет, я была уже слишком в отчаянном положении. Это сравнимо разве что с состоянием, когда ты продаешь банку души за несчастные 150 тысяч, а потом выплачиваешь их полжизни. То есть готов платить проценты. И чудо свершилось. Меня пригласили на второе собеседование. Вопрос: какие писатели у вас любимые? Знаете, этот вопрос всегда приводит меня в ужас. Он столь же неприличен, на мой взгляд, как вопрос «за сколько времени вы сможете написать 5 тыс. знаков авторского текста?». Сегодня я их напишу за 15 минут, а завтра буду сидеть сутки и потом еще столько же, потому что «ну не идет». То же самое и с литературой. То, что я назову несколько громких фамилий, еще не будет совершенно означать, что я точно знаю, о чем писал Ибсен во «Враге народа». Но отвечать же как-то надо. И как-то «прилично», чтобы «не заподозрили» в неквалифицированности. Я уже говорила, иногда я совер-

шаю безумные вещи. Это была одна из них, когда в ответ на имена перечисленных классиков мне заметили, что можно уже путеводитель писать, и все говорят одно и то же. Я, конечно, не стала говорить, что читаю Сашу Денисову, хотя ее обработка Ибсена в Маяковке не так уж и плоха, но, не стесняясь, заметила, что мои «любимые» авторы вряд ли известны широкому кругу читателей. И правда, давно ли вы за чашечкой кофе обсуждали новое издание «Хагакурэ»? А меж тем произведение, от которого невозможно оторваться. Нельзя так отвечать, нельзя, но порой полезно для себя самого. Удивительно, меня позвали еще на одно собеседование. Думала, не позовут вовсе.

Забудут как страшный сон. Но нет. И вот...

Я сразу поняла, что этот человек возьмет меня на работу. Я не могу до сих пор объяснить почему, но я точно знала, что так будет, стоило ему еще только переступить порог кабинета. Все у нас было хорошо ровно десять минут нашего собеседования. Согласитесь, десять минут – порой вполне достаточный срок, чтобы получить взаимное удовлетворение и разойтись до новых встреч. Потом было много криков, ругани, истерик. Не моих. И то хорошо. Отчего? Потому что, даже если ты продаешь людям всего лишь билеты в театр, а для этого пишешь тексты и подбираешь фотографии, не надо как лучше, не надо талантливо, надо просто хорошо. А что, если ты не можешь просто хорошо? Что, если каждая строчка для тебя – это часть твоего мира? Даже если этот

мир уродлив и неказист... этот мир театра.

Уродлив и неказист. Написала как клеймо поставила, аж самой смешно, но все же именно так. Казалось бы, ну где должно быть место для отдыха души, где человек может насладиться искусством, понять его, подумать о серьезном? Конечно, в театре. Нет, не в твоём домашнем туалете, где на полу лежит затертый томик Ницше, а в театре. Но когда ты оказываешься в этом самом театре за кулисами, да, да, с теми же самыми своими Рахманиновым, Ибсенем и Григом, с Дали и постмодернизмом, понимаешь, что, может быть, лучше томик Ницше?

Один худрук, который спит и видит, как бы установить свой бюст в фойе театра перед директорским кабинетом, помнится, кричал: «Она „Фолтын“!». Ну, помните, у Чапека? Да, да, тот самый. А знаете отчего? Потому что в день памяти прекрасного актера я написала о нем статью, в память... Мне предлагали приехать к нему в гости, а я не успела... Бывает так, что не успеваешь что-то сделать, а потом жалеешь всю жизнь. Вот я и написала, а этот «гений» от искусства, который на своей сцене, если посмотреть на его творчество не через призму «придворной» лести, а прямым взглядом, не смог поставить ничего достойного... На своей сцене – я акцентирую ваше внимание на этом нюансе, потому что до нашего «знакомства» в стенах театра я считала, что этот человек крайне талантлив, и смотрела все его спектакли на «чужих» ему сценах. Так вот, воспринял он эту ста-

тью как тонкую иронию в свой адрес... Нехорошо ли получилось? Не думаю. На воре шапка горит, так сказать. Раз была такая буря эмоций, значит, и он чего-то не успел. Может быть, не успел побыть человеком. Бывает такое, живешь, все о творчестве думаешь, а потом оглядываешься и понимаешь, что самого важного не успел – быть человеком.

И разве не театр должен давать ответ на этот вопрос: как быть человеком с большой буквы? Конечно, он, а еще литература, а еще журналистика, та самая публицистика. Все они должны, просто обязаны. Иначе зачем вообще они существуют? Спустя четыре года я не могу ответить на вопрос «зачем?». Теперь уже не могу. Мой ответ потерялся в закулисьях и в текстах новых пьес.

Не буду врать, я не слежу за конкурсами и литературными премиями. Не было за эти годы у меня времени следить за ними. Но я вижу, что у нас ставят. Я писала об этом каждый день в течение долгого времени. И мой вопрос «зачем?» становился все громче, а ответ – все тише. Зачем в театрах матерятся со сцены? Зачем пишут пьесы, где есть мат? Хочется выйти на улицу, дойти до родных пенатов, найти там «творца» и задать только один вопрос. «Ты знаешь, что на самом деле значит ЭТО слово?» Не знаю, как оцените шансы правильного ответа вы, а мои оценки колеблются от десяти до двадцати процентов. Если я не ошиблась и услышу «нет, это же просто мат», вот что делать тогда? Это что, необразованность? Это нежелание задумываться о чем-то более

глубинном? Преступная халатность? А если скажет «да», то что же тогда выходит? Что он специально искажает смысл, понятие. В этом, что ли, теперь у нас заключается искусство на сцене и в литературе? А когда курят? Ох, бедняги из минздрава все развешивают на стендах плакаты о вреде курения, а тут приходишь в театр, а там табачная завеса висит. Красиво. Толково. Современно. В тренде.

Или вот, сижу я ночью, оцениваю мероприятия. Это отдельная песня в моей трудовой деятельности, и о ней будет в общем теле повествования. Суть не в том. За окнами ночь. Сижу, выставляю характеристики, и тут бац – не знаю я этого произведения. Не знаю и все. Ну, что делать? Надо срочно читать. Немедленно. Я ж не могу оценить, не зная. Лезу. Боже мой. Через пятнадцать минут после того как пьеса закончилась, мой левый глаз дергался в конвульсиях. Мне, конечно, знакомо понятие «социальная драма», я, конечно, понимаю, что надо и в театре, и в литературе поднимать злободневные темы. Но, господа. Побойтесь бога. Зачем мне еще одна чернушная криминальная хроника в исполнении студенческого драмкружка? Если я захочу прочитать о том, в каком прекрасном и удивительном мире мы живем, я открою Yandex, Google или любую из существующих версий электронных газет. Я загляну в квартиру к соседям, послушаю рассказы моих знакомых. Хотя если послушать их рассказы, то многие современные шедевры покажутся просто какой-то дешевой подделкой. Они и так не очень-то...

Можно справедливо возмутиться: кто мне дал право подобным образом судить? Сама не пишет (пишу, кстати, и не только стихи), работает – билеты продает, пусть и через рассылки рекламные. Для начала – накипело. И как у зрителя, который получает вместо качественного творения отрывку искусства, или искусственную отрывку, в общем, какую-то подделку. И как у человека, для которого классика не пустой звук. Вот порой меня спрашивают: «Фенек (кто-то говорит Лисец – от Лисы и Песца), ты чего не издаешься?» А я стою, смотрю и думаю, как правильно ответить, чтобы не обидеть. В журналистику не пошла – продаваться не захотела, не поверила в систему «мы против власти», да и во власть не очень верю (Лорд Генри с его безграничной иронией – плохой пример для подражания, а Уайльд в целом слишком хорошо учит думать). Не против быть надо, а за... За народ, за Родину. За свое прошлое, за свои традиции, за свое достояние. За то, чего уже днем с огнем не сыскать. Не стала публиковать свои стихи и произведения почему? Да просто каждый раз, когда мне приходит такая мысль в голову, я вспоминаю свою маму – женщину строгих нравов, идеального вкуса, которая, откладывая очередной мой лист, говорила: «Ах, милая, не Блок (тут следовал вздох), не Блок». И это было обидно до чертиков. Я не Блок, меня и правда зовут не Саша, а совсем иначе. Но в то же время это было словно лакмусовой бумажкой, говорящей об уровне моего творения. И если уровень был таким, то стоило ли

творение нести куда-то в издательство? Конечно, нет.

Правильно это, неправильно – каждый ответит по-своему. Я со временем стала «злой». Теперь я знаю, что не несу свое в «печать» еще и потому, что «лежать» рядом с новомодными шедеврами из серий боевиков, городского фэнтези и даже рядом с «правдивыми» историями сегодняшнего дня я не хочу. А стоять сиротливым томиком никому не нужной поэзии? Нет, вот у меня есть знакомая Саша. Бес. Да, ее знает узкий круг поклонников, ее стихи издают. И никто не знает, кем она работала до, что она ездила по городам и весям, читая со сцены свои стихи... И я горжусь, что есть такие люди. Они стремятся к мечте. Станет ли она классиком? Не думаю, что ее волнуют такие вопросы, что она думает о том, что случится с ее стихами через пару сотен лет. Она просто творит. И это прекрасно. Хочу ли я стать классиком? Тут вспоминается отчего-то Лукьяненко с его «Осенними визитами», где звучит примерно такая фраза: «не дай нам бог жить в мире, который придумают дети и писатели». Вот это близко к моему отношению в вопросе «стать классиком» – не дай бог этому миру признать меня классиком.

Самоуверенно? Пожалуй. Вот «Премия имени Рюноске Акутагавы» мне бы хотелось получить, но вряд ли я смогу когда-нибудь написать что-то достойное ее. Может быть, еще «Премия Эдгара Аллана По» – тут шансы у меня слегка повыше. Но все же стоит оставаться объективным. Подозреваю, что к этому моменту уже ваш глаз будет нервно дергать-

ся от всего прочитанного. Но мы же говорим о современной литературе, театрах и прочих «высоких» вещах. По мне, так впопору уже пить успокоительное и разбавлять «капельки» коньячком.

Хотя я, несомненно, утрирую, и не все так плохо. Ставят и хорошее, ах да, я забыла сказать о том феномене, когда хорошо поставленная классика превращается в опасную штуку. Знаете, это как? Идешь на «Маскарад» в театр и вдруг открываешь для себя удивительный факт. В программке написано: автор Лермонтов, имена все те же, а сюжет не узнаешь. В такие моменты ощущаешь себя идиотом, право слово. А все потому, что постановщик, без всякой иронии, столь гениален, что легкое смещение акцентов позволяет открыть в произведении факт удивительный – мерзавцем-то оказывается кто? Да, главный положительный герой. Ох, не знал Лермонтов, о чем на самом деле пишет! А может, и хорошо, что не знал. Может, так ему теперь спокойнее.

Грустно? Несомненно. Обидно? Конечно. Напечатают, если написать об этом? Если даже и напечатают, то заклюют. Обязательно заклюют. В ЖЖ, в Фейсбуке, даже в ВК кинут в тебя камушек. Ты ж не понимаешь высокого искусства. Увольте, такое высокое искусство, которое, раз будучи увиденным зрителем с умом неокрепшим и не достигшим определенных высот развития, превратит его в человека с искаженным понятием о моральных нормах. Нет, это не значит, что я против нетрадиционной ориентации. Тут, конечно, на-

до разбираться, что я под этим подразумеваю. А то у нас вся страна может выйти нетрадиционной ориентации, ибо свое не ценим, а чужое превозносим. Не традиционно для русского, честное слово. Но я все же не об этом. Я о личной жизни двух людей в замкнутом пространстве. У меня самой есть друзья, которым все равно, какого пола тот, кто живет рядом с ними. Я сама грешу тем, что часто пишу о подобных отношениях. Но... одно дело, когда это находится за закрытыми дверями, другое дело, когда выплескивается в массовое искусство. Особенно в произведениях, которые не имели ничего подобного в оригинале. Ставить такое и писать – это новый взгляд на классику. Мне было бы стыдно. Лучше уж написать что-то свое, новое, чем портить чей-то шедевр, признанный мировой общественностью.

И все это я говорила и писала к чему? К тому, что... Быть настоящим журналистом – это ответственность. Быть писателем – ответственность не меньшая, как и работа в театре или на портале, где ты «продаешь» билеты. Мое произведение, как и предисловие, – это ирония. Насмешка, скорее всего, даже над самой собой, а еще пособие для людей, которые знают, что Сезанна нельзя прочесть, зато можно прочесть Бенуа, что Чеховых было двое (хотя их было больше, но знание даже двух – уже неплохой результат), и для тех, кто умеет с юмором смотреть на мир, кому интересно смотреть широко открытыми глазами. И вовсе не претензия и не попытка оказаться умнее других.

*С уважением,
ваш FennecusTamirLang (us)*

Введение: давайте представим, что...

Итак, не у каждой инструкции есть введение, но мне кажется немного неуместным создавать «пособие по жизни», подобное этому, и не давать к нему никаких пояснений. Начать, наверное, стоит с того, откуда вообще появилась идея всего этого «безобразия» и, немного забежав вперед, предвосхищая, так сказать, вопросы читателей, пояснить для чего. История создания начинается с... простого увольнения. Знаете, обычно с этого начинаются все самые интересные истории людей, которым уже не двадцать. Почему? Потому что чем дольше работаешь, тем сложнее уходить. Потому что с возрастом появляется (ну, если ты человек думающий) ощущение собственного «устаревания», ведь жизнь не стоит на месте. Она меняется с невероятной скоростью, внося свои коррективы в любой вид разумной человеческой деятельности. А следовательно, в каждой области, где работает человек, люди выходят на новый уровень знаний, понятий и умений. Так, по крайней мере, кажется в бесконечной суматохе технического прогресса.

Теперь пришла очередь вопроса «для чего?». В первую очередь для себя. Да, так мило, эгоистично и с претензией на оригинальность. Почему для себя? Долгие четыре года я

находилась в бесконечном

одностороннем диалоге с тысячами людей, которым «продавала высокое искусство». И не надо думать, что кавычки тут неуместны – они тут необходимы. Зачем – это будет уже ниже. Но... в силу особенности собственного отношения к жизни за время, проведенное в моей «фирме», я накопила немалый опыт в сферах совершенно различных и неожиданных. Но самое главное, у меня была уникальная возможность изучить в деталях нынешнюю ячейку общества. Да, раньше ею была семья – теперь фирма. Поэтому универсальным образцом жизненной модели я с удовольствием сделаю свою фирму. Ибо, как мне кажется, в ней за это время промелькнули все типажи, случились все истории, которые могли бы случиться в жизни любого отдельно взятого человека. И самое главное – она является чудесным образчиком не только межчеловеческих взаимоотношений, но и отношений людей власть имущих и их подчиненных, отношений «межфирменных», отношений «наниматель—соискатель» и многих других. А также на примере всего этого я в ироничной форме постараюсь предостеречь вас от возможных ошибок, а может, наоборот, подтолкну к тому, что когда-нибудь нескоро, уже в глубокой старости, вы сочтете ошибкой, но... вам хотя бы будет что вспомнить, а это уже не так уж и мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.